

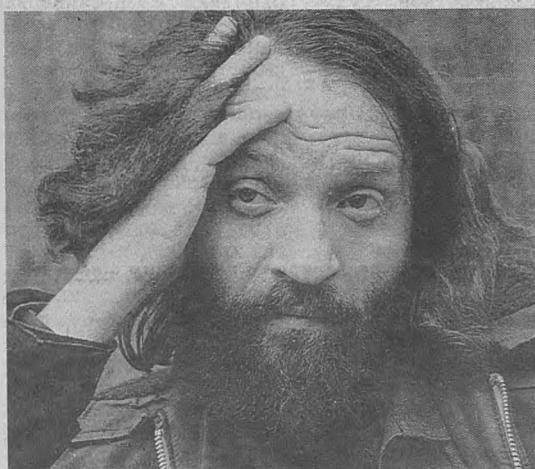
ИНОАФИША

КОНТАКТЫ

Таормина. Итальянский город, что расположен на Сицилии у подножия незатухающего вулкана Этна. Название этого города прозвучало впервые, по крайней мере для меня, в 1964 году, когда Анне Ахматовой была присуждена международная поэтическая премия «Этна Таормина» — в знак признания больших заслуг перед мировой культурой. И как возникло — так почти сразу же улетучилось из памяти. И вот спустя много лет оно обрело реальность.

Организаторы Центра театрального искусства на Сицилии «Таормина-арте» не без помощи СТД СССР пригласили театральных критиков посетить этот прекрасный курортный и туристический городок. Повод — присуждение Европейской премии в области театра замечательному итальянскому режиссеру Джорджо Стрелеру и специальной премии, назначение которой — поддержка новых тенденций и направлений в развитии европейского театра, — советскому режиссеру, художественному руководителю «Школы драматического искусства» Анатолию Васильеву (эта специальная премия утверждена в этом году впервые и отныне получает постоянный статус).

Немного истории.

«Таормина-арте» родилась в 1983 году. Эта культурная организация добилась многого. Усилилось внимание к ней и критиков. И культурные программы «Таормина-арте» считаются ныне наиболее значимыми в Италии, имеющие уже не только региональное, но и международное значение.

Для привлечения еще большего к себе внимания три года назад была учреждена комитетом «Таормина-арте» под покровительством европейского сообщества премия Европы по театру. Ее получили уже Ариана Мнушкина и Питер Брук. Жюри, состоящее из критиков и театроведов, мастеров театра, представляет различные регионы европейского театрального мира. В этом году впервые в состав этого престижного международного жюри был введен и советский представитель. Им стал секретарь правления СТД СССР А. Бартошевич.

И вот новые лауреаты.

ТАОРМИНА РАЗДАЕТ ПРИЗЫ

Первый день был днем Анатолия Васильева. Собравшимся в зале Палаццо деи Конгресси зарубежные критики рассказывали о жизни и творчестве режиссера. По правде говоря, мы, советские критики, не очень ловко себя чувствовали. Что ж, не нашлось у нас людей, знающих и любящих творчество художника? Но это уже вопрос к самим себе. Васильев же во вступительном слове, благодаря за честь, оказанную ему, сказал, что сделал еще не так уж много, так как для того, чтобы сделать больше, «надо не жить в России».

Понять раздражение режиссера можно: у него нет своего театрального здания, строительство затягивается из-за всякого рода неурядиц и проволочек. Но, как показалось, особого сочувствия эта часть выступления не вызвала у присутствующих. Со строительством театральных зданий и «там» не очень-то хорошо.

Гораздо интереснее и плодотворнее шел разговор, касающийся творческой, эстетической программы, когда Васильев рассказывал о методе работы с актером, работы над драматургическим произведением, делился впечатлениями о днях, проведенных в лаборатории Гротовского. С большим успехом прошел и показ композиции, составленной из его спектаклей, — «Идиот» Достоевского, «Шесть персонажей, не считая автора» Пиранделло, «Дюма».

Следующий день — день Стрелера. Элегантный, совершенно седой, легкой походкой пройдя по залу, он грациозно поднялся на сцену. Здесь за столом президиума, как в лучших традициях наших заседаний и форумов, собрался его друзья — актеры, критики, люди, прошедшие с мастером долгие, тернистые дороги в искусстве. Говорили о нем, говорил он сам, иногда с легкой иронией и юмором, порой сосредоточенно-серьезно. И к нам в зал передавались какие-то флюиды любви и почитания этого замечательного режиссера и актера. А вечером на большом экране в видеозаписи шли его спектакли — чеховский «Вишневый сад» и опера Моцарта «Дон Жуан».

И вот наступил торжественный момент вручения наград.

— В этой премии есть не только эстетический, но и политический смысл, — сказал

Джорджо Стрелер. — Премия символизирует будущую Европу. Европу — великую, объединяющуюся, в которой не будет границ. И эта будущая Европа будет основана не только на экономическом, но и на духовном, культурном объединении при всех национальных различиях и традициях, которые есть и должны существовать.

— Я благодарен тем, кто оценил нашу работу, — говорил Анатолий Васильев. — Эта высокая награда принадлежит не мне, а той земле, откуда я родом. Но хочется предупредить всех тех, кто стремится уничтожить гуманизм, красоту на земле, она рано или поздно все равно возьмет свое, говоря словами классика — красота спасет мир. Об этом нельзя забывать никому.

Пролетели три дня в Таормина, этом райском уголке, гармонично созданном природой и руками человеческими. С древним Греческим театром, с чистыми узенькими улочками, уютными отелями и виллами, утопающими в зелени, с разноцветьем апельсиново-лимонных деревьев и всевозможных цветов. С песчаными пляжами синего-синего Ионического моря. С разноразличной толпой туристов и отдыхающих. И, конечно, с гостеприимным, жизнерадостным народом.

Наступил час отъезда. И вновь машиной до Катании, местным рейсом до Милана, откуда надо было переехать в международный аэропорт. И вот когда мы вышли из аэропорта, в глазах, прямо скажем, потемнело — очередь на такси (об автобусе и думать было невозможно: до отлета в Москву оставалось час двадцать минут, а езды — час) вилась вдоль всей площади. Хорошо зная нравы нашей очереди, очень опасались попросить пропустить нас. Но отчаяние взяло свое, и мы рискнули. И, о чудо! Не только недовольных лиц не увидели, но, наоборот, встретили исключительно радужные: нам помогли, посадив в первую же машину.

И уже пристегнув ремни в своем родном аэрофлотовском самолете, долго не могли прийти в себя от этой сердечности, умения людей войти в положение.

Если бы так было и у нас!

Н. МОИСЕЕНКО.
(Спец. корр. «ЭС»).

ТАОРМИНА.